

МАРИНА
АХМЕДОВА

МАРИНА
АХМЕДОВА

ПЛЯСКИ БЕСОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А95

Оформление *Ксении Щербаковой*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Ахмедова, Марина.

А95 Пляски бесов : [роман] / Марина Ахмедова. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 320 с. — (Книга, которую ждали).

ISBN 978-5-17-092528-5

«Пляски бесов» — мистический роман, рассказывающий о жизни западноукраинского села, обитатели которого верят в существование ведьм и бесов. Ведьма — старая Леська — одиноко живет на окраине села. Стоит ей войти в церковь, как сельчане бегут из нее. Они верят, что Леська может навести порчу, ворует у коров молоко, носит подмышкой вороньи яйца и водится с нечистью и бесами. Село ждет не дождется, когда сгинет со свету старая ведьма...

Однако главная война идет в человеческой душе. Сам ли человек делает выбор или его судьба predetermined? И нужно ли, как в древние времена, приносить жертву ради благополучия многих или же, напротив, пролитая кровь жертвы повлечет за собой реки крови?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-092528-5

© Ахмедова М.М., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

ПАН ИЛИ ПРОПАЛ

Говорят, то случилось с паном Степаном в год, когда Украина получила независимость из рук разваливающихся Советов и развязалась с Советами окончательно. В ту весну, когда паном Степаном овладело такое странное томление, что не сиделось ему больше дома — в темной хате, нижние бревна которой просели и как будто потянули за собой всю ее, заставив наклониться и смотреть окнами в землю. По той причине и было в хате темно, что смотрела она в черноту. Хотя лужок перед хатой и покатая спина холма позади нее были зелены и залиты солнечным светом. В ту пору — конец марта, начало апреля — без туманов и легкого сумрака, зимой сходящего с гор даже днем, — воздух был прозрачен так, что резал глаза, а все же присутствовала в нем какая-то матовость. Пан Степан выходил из хаты и набирал полную грудь этого воздуха, в котором горный хлад мешался с теплом солнечных лучей, а те жадными пальцами уже прощупывали землю, насаждая подснежники, и горечь дымка от подоженных вдалеке палых листьев смягчалась сладким ароматом набухших почек. Подолгу, сколько человек может терпеть, пан Степан не выдыхал это богатство, что только усиливало томительное чувство в груди. Возвращался в хату, оставляя без присмотра покатые горы, встающие за церковью с пряничными куполами. И то странно, что хоть и посветлело все вокруг, пробудилось, а горы насупились и не хотели теплеть, и лесок,

тыном встающий на круглой голове одной из них, казался уже составленным не из дерев, а из метел, перевернутых вниз черенками. Вот там-то и чудилась особая муть, словно фата новобрачной была накинута на лесок. Но и то не было секретом, что стоит в лесочке озеро — небольшое, белесое, круглое, с такими ровными краями, что похоже на большую миску, нарочно зарытое в землю, чтобы собрать дождевой воды да туманных испарений и стать озером. Ходить туда не любили и не за чем было — ничего в том озере не водилось, кроме водорослей, прочных, как веревки, и таких длинных, что можно было обернуть их вокруг себя много раз.

Вот туда, через короткое время снова показавшись из хаты, и направился пан Степан, чему-то улыбаясь про себя. Ходил он туда почти каждый день с тех пор, как вернулся из города, где закончил пединститут, а тут, в селе, на работу не спешил устраиваться. И что его влекло шататься по лесу, никому из сельчан было неизвестно. Сельчане смеялись — видно, душа у пана Степана размякла в городе до нежности, что отлынивает он от работы, бездельничая в лесу, слушая птиц и ручьи. А между тем вот-вот к пану должен был нагрянуть сельский священник, чтоб пристыдить перед ликом Христа, сына Божьего, за то, что пан все не идет в школу на вакантное место учить сельских детей. Ведь староста к нему уже приходил, разными уговорами уговаривал, но пан пообещал заступить в школу первого сентября — и ни днем раньше.

В этот раз, когда пан шел мимо хаты деда Панаса, тот стал зазывать его к себе.

— Ой, пан Степан, — заговорил дед Панас, навалился локтями на тын и уставившись на пана голубыми глазами навывкате, — куды ж ты заспешил в такую пору, когда и спешить приличному человеку некуда?

— Да чего там, — махнул рукой пан Степан, устремляясь дальше.

— А ты постой, — позвал его дед, выкатывая еще больше глазища и хитро усмехаясь. — Зайди, хреновухой тебя угошу.

— Да и настроение у меня не такое, чтоб хреновухой угощаться, — ответил пан Степан, остановившись у того места в тыне, где на него была накинута перевернутая крынка с треснувшим дном. — Спешу я — по своим делам, — проговорил он, тем не менее не двигаясь с места.

— Тю-ю, — протянул дед Панас. — Какие такие у тебя дела теперь, пан? Зайди, говорю. А уж я на пороге поднесу, чтобы в хату тебя не тянуть, — широкой рукой дед Панас уже распахивал калитку.

Потоптавшись на месте и сунув руки в карманы штанов, словно и не собирався брать ничего из рук Панаса, пан Степан все же ступил за калитку, и та мягко затворилась за ним. Дед Панас уже спешил в хату, откуда быстро вернулся, словно хреновуха стояла в сенях наготове — в ожидании, когда мимо пойдет пан. На плечо деда Панаса был накинута рушник. Зажав бутылку под мышкой, он снял его с плеча и обтер рюмку, предварительно дохнув в нее сквозь сизые губы. Увидев такое, пан Степан аж передернулся, но протянутую рюмку принял. Дед Панас налил в нее из бутылки, пристально глядя в глаза пану и приговаривая:

— Пей, пан, щоб душу грело, а не жгло, щоб печалью сердце не свербело и щоб тебе наконец дивчина повстречалась, красотой неопикуемая.

Сказав последние слова, Панас подмигнул, а пан, отведя взгляд, всем видом смутился от намека — в двадцать шесть лет ходил еще холостой. Он выпростал руку из кармана, схватил протянутую рюмку и, протяжно выдохнув, глотнул.

— Добре, добре, — проговорил дед Панас, почесывая седой висок. — Тока щоб три пожелания исполнились, надо три рюмки глотнуть.

Он уже наливал вторую, посмеиваясь над паном. Пан глотнул и вторую, быстро опрокидывая ее в рот и уже сам тянулся за следующей.

— А то вон у Тараса дочка, Светлана, чем тебе не та самая? — дед Панас наклонился к рюмке, и его слова зажурчали в нее вместе с хреновухой.

Пан выпил еще, провел по губам тыльной стороной ладони.

— Пана Тараса дочка за Богдана просватана, — сказал он и вздохнул глубже, чем вздыхают люди, на сердце которых никакой тяжести не положено.

— Тю-ю, — снова протянул дед Панас, — просватана — не поженена. Ще? — направил он горлышко бутылки прямо в грудь пану Степану.

— Ни, — присел тот и пошел, пошатываясь, к калитке.

— Добре, добре, — приговаривал дед Панас, глядя ему вслед. — Добре, добре.

Дальше пан пошел разомкнутой походкой, и язык его развязался — захотелось ему петь. Он сошел на обочину, чтоб не запачкать сапоги в свежей грязи, которая распространялась на дорогу, оттого что с горки потек весенний ручей. Пошел мимо низкой ограды, сколоченной из тонких бревен с содранной корой. Был даже такой момент, когда затуманенному хмелем глазу пана показалось, что то не бревна, а тонкие гладкие женские руки, зовущие его подняться на горку.

Вокруг тренькали птичьи голоса, забываясь пану в уши, и он натянул поглубже кепку, но сразу спустил ее на затылок, разрешая трелям заходить в уши, и сам запел что-то неразборчивое, но, кажется, подпевное птичьим песням. Так, миновав кладбище и старую церковь, что оставались у него по правую руку, и никого не встретив, он дошел до креста, который стоял на обочине, а с того места можно было повернуть то ли на кладбище вправо, а то ли на лесок — влево. Пан остановился ненадолго перед крестом

и уставился вниз — на его тумбу, которая сплошь была занята каким-то чудным вьюнком, зеленеющим и зимой, и летом. Сквозь частые завитушки вьюнка проглядывали мельчайшие бордовые розы. Те розы казались не живыми, а выточенными каким-то искусным ювелиром из матового камня, что заполняет сердцевину гор. Обычно, направляясь в лесок, пан Степан надолго застывал перед тумбой, с содроганием рассматривая розы, ведь как бы ни были они совершенны, все равно от их темной матовости веяло за гробом. Но в этот раз, остановившись, пан сдвинул кепку, почесал затылок, и из горла его вырвалась развязная трель, которую нельзя было не принять за хохоток. Не задерживаясь, пан пошел дальше, достиг окраины села, потоптался на перекрестке, разминая ноги, до которых уже добрался хреновый хмель, повернул направо и вошел в лесок.

Деревья, сначала редкие, а потом растущие по три, по четыре, между собой непроходимо, встретили сыростью. Росли тут и грабы, и сосны, попадались березы. Тонкий слой сочного мха покрывал бока деревьев, и когда лучи ложились неровно, с той стороны, к которой пан был повернут лицом, могло показаться, что перед ним раздвигаются тяжелые бархатные портьеры карпатского леса. Но между деревьями было светло, и там, где их росло меньше, из-под сухих листьев поднимали склоненные головки подснежники. Их лепестки отливали такой матовой сияющей бледностью, какая только и могла родиться в заключении под землей, без света, а лишь в его предчувствии. Птицы продолжали петь, но тут, в лесу, их голоса приобрели гулкость и таинственность. Они снова и снова перекликивались друг с другом, и пану так отчаянно захотелось знать, о чем они галдят, что он даже всплакнул от невозможности понимать птичий язык.

Он пошел туда, куда всегда и ходил, — в глубину, к той кочке, за которой после обильных дождей и таяния снега возникал голосистый ручей. Очень уж любил пан, прива-

лившись спиной к рыхлой, прогретой с утра кочке, слушать прыгающее журчание ручья, перебиваемое колкими головами птиц. Он мог дослушаться до того, что начинало ему казаться: то не ручей течет за его спиной, а тянется бесконечный рушник, сотканный из первой травы и цветов, который птицы по краям крест-накрест обшили затейливым весенним узором.

Но в этот день после Панасовой хреновухи ноги пана слушались едва и выписывали такие зигзаги и загогулины, что если б оставляли следы на мягкой земле, то и их сверху можно было принять за какой-нибудь узор.

Наконец, дойдя до знакомой кочки, пан повалился на землю, подпер голову кепкой, чтобы в волосы не попала земляная труха, и полусидя задремал. По всему телу его прошла слабость, которая была пану не противна, а, наоборот, приятна. Томление превратилось в негу. То и дело пан, улыбаясь с закрытыми глазами, потягивал ногами и сладко постанывал в дремоте, пока не захрапел.

Проснулся пан быстро — то ли оттого, что в глубине леса гаркнула черная птица, а то ли от всплеска, какой бывает, когда что-то бултыхнется в воду. Пан прервал храп, вздрогнул, как от холода, который наконец добрался до него из земли, приподнялся и осмотрелся. Лес стоял таким, каким он и оставил его засыпая. Но только не слышалось журчания ручья. Пан потер глаза, присел на корточки, выглянул из-за кочки и негромко ахнул.

Оттуда на пана Степана смотрело озерцо — и неудивительно, что после хреновухи ноги принесли его не туда. А так как славой оно пользовалось нехорошей, то и всю приятную негу с пана как рукой смахнуло. Над озерцом поднимался туман — плотный, словно пар над миской с закипевшей водой. Пан уже хотел подняться, припав на одно колено, но тут со стороны озера — с противоположного его бережка — послышались голоса. Чего-то испугавшись, пан Степан снова осел, нырнул за кочку, снял кепку, прижал

ее к груди и затаился. А чего он испугался? То ли шепотка, который хоть и вдалеке был произнесен, а прозвучал у пана под самым ухом, а то ли того, что птицы давно уж замолчали, а пан на это только теперь внимание обратил.

У озера показались две женские фигуры. Одна, прямая старушечья, шла впереди и приговаривала скрипучим шепотом: «Не оглядывайся. Не оглядывайся». Старуху пан, хоть и взглянул на нее мельком из-за кочки, сразу узнал. Не та ли то была старуха, встреча с которой на сельской дороге сулила недоброе, а уж застать ее на перекрестке и того подавно было к несчастью? Не та ли то была старуха, что уж если посмотрит на тебя, а ты с ней взглядом ненароком перекрестишься, то исхудаеть весь, изогнешься, силы жизненные разом потратишь, а новые набирать начнешь, только когда в январе Христос заново народится? И не та ли, что если войдет в церковь, так народ из церкви сразу повалит, а уж если войдет туда в Рождество, быть в селе большой беде? Бабка Леська была чистой ведьмой. А вот ту, что шла позади нее, неся склянку с водой, пан признать не мог — шла она, опустив голову, шаг в шаг ступая за бабкой.

— Три раза кругом обойдем, — проговорила бабка Леська, — а ты смотри не оборачивайся.

Они пошли вокруг озера, а пан тем временем высунул правый глаз из-за кочки. Над ней росло дерево, ветви которого, как надеялся пан, должны были закрыть его от женщин. Только теперь пан разглядел, что это за дерево, под которым он сидит. Старая липа. Ствол ее был мощный — обхвата не хватит. Посредине раздваивался и тянулся вверх такими толстыми стволами, что их можно было принять за два огромных дерева, растущих рядом. И вот в том месте, где липа делилась, ее прорубало дупло — но не в ширину насквозь, а вниз. Края его были обложены влажным мхом, словно в дупле том жила не птица, а какая-нибудь рыба выпрыгивала временами из озера и бултыхалась прямо в него,

обдирая о края свои склизкие бока. Только знал ведь пан, что никакая рыба в этом озере не водится. Мертвое оно.

Шаги заскрипели прямо у самого его уха. То бабка и не-узнанная женщина, обходя озеро кругом, сейчас шли мимо кочки. Вполголоса бабка произносила слова на неведомом языке, которые то скребли слух и шелестели, а то отодвигались, словно произнесенные через туман. Пан Степан обтер кепкой пот, выступивший на лбу, обнял руками кочку и продолжил следить за происходящим, подумывая еще и о том, что в другой раз, когда он выпьет самогону и язык его поразвяжется, будет что рассказать в хорошей компании. А потому пан решил запомнить все в мельчайших деталях, и когда бабка шла второй раз мимо кочки, он высунулся чуть выше, чтоб хорошенько ее разглядеть.

У бабки на голове был черный платок в мелкую ярко-голубую крапинку. Длинная юбка, обвисшим подолом болтающаяся у ног, черный жакет. Пан даже сумел разглядеть массивный крест на ее впалой груди. Но вот когда пан внимательней посмотрел ей в лицо, руки его почему-то ослабели, и он поскорей отвел взгляд. Бабка была нехороша — той странной нехорошестью, которую не ждешь встретить в человеческом лице. И если бы в другой раз пан выпил в компании и ему захотелось рассказать, что это было за лицо, то слов он, может, и не подобрал бы. В том лице как будто все было на месте, но и что-то лишнее было. А что — трясущийся пан не мог сообразить. Да и вроде если вот так трезвым взглядом посмотреть, то ничего лишнего и не было, а только почему-то все равно нехорошо становилось при взгляде на него. Особенно пугали глаза — большие, голубые, отражающие водный туман. Они торчали из ведьминога лица, словно и не ей принадлежали. А было так, как если б кто другой, больший размером, в ее тело влез да из него поглядывал.

Правым глазом пан прихватил и лицо женщины, следовавшей за ведьмой, и узнал в ней Дарку — дочку Оме-

ляна, мастера, вырезающего к Рождеству из дерева вертепы. А уж такие болванки получаются — с отчетливыми чертами Христа народившегося и матери его Марии, что с заказами к нему едут не только из соседних карпатских сел, но и со всей Львовской области. Дарка эта — как пану не знать, когда об этом шепталось все село, — хвостом бегала за Богданом, а тот еще со школьных лет со Светланы, Тарасовой дочки, глаз не сводил. И теперь до пана начал доходить смысл происходящего, и он даже усмехнулся в усы, и от сердца беспокойство отлегло. И чего это ему пришло в голову такое — пугаться любовных приворотов? Нет-нет, в другой раз в хорошей компании почему бы и не рассказать, как Дарка любви Богдановой добивается — через магию, через ворожбу.

— Сливай, — сварливо сказала бабка, подойдя к самой воде. — Да не оборачивайся! — прикрикнула она.

Скукожившись, Дарка близко подошла к воде, окуная в него полы клешеного платья. Ухватив прозрачную склянку всеми пальцами, она ловко перевернула ее и выплеснула воду в озеро. Однако пан успел разглядеть бултыхавшуюся в склянке деревяшку, и нехорошая мысль о принадлежности этой деревяшки закралась ему в голову.

— Отойди, — бабка отстранила рукой Дарку, и та отступила подальше от бережка. — Стой тихо, — прошептала она.

Тут пан поежился: то ли показалось ему, то ли на самом деле дохнуло в лесу холодком. Солнце отступило в сторону села, откуда пан пришел. Теперь от земли пошел холод, как и положено в лесу на стыке зимы и весны. Пан спиной чувствовал, что лес позади него враждебен весне, не хочет ее принимать и что с зимой ему было лучше, может, потому, что зимой человека сюда не тянет и лес может бесчинствовать тут без человеческого огляду сам по себе. Нехорошо сделалось пану, липкий пот потек по его спине, особенно

когда он услышал слова, которые бабка теперь, стоя к кочке спиной, произносила, нагнувшись к озеру.

— Спаси мене, Боже, яко внидоша воды до души моея! — произносила старая ведьма, и шепот ее, достигая озера, набирал в нем какую-то влажную силу и выпуклость, достаточную, чтоб накинуться на лес и поглотить все его звуки. — Углебох в тимееи глубины, и несть постояния, приидох во глубины морския, и буря потопа мя. Утрудихся зовый, — продолжила она, но тут пану уже начало казаться, что говорит не одна ведьма, а как будто слышится хор голосов вместе с нею — приглушенных, доносящихся из-под воды, но в то же время близких и липких, как тот самый пот, что течет сейчас по спине пана. В словах ведьмы он сразу признал церковный псалом — шестьдесят восьмой, даром с десятков псалмов он знал наизусть, и этот — в их числе.

— Измолче гортань мой! — продолжила та, переходя на шепотливый крик. — Исчезосте очи мои, от еже уповати ми а Бога... ихнего! — вдруг взвизгнула ведьма, заменив последнее слово на чужое — псалму не принадлежащее, а уж пан-то хорошо знал, что в этом месте следовало говорить не «ихнего», а «мого». — Бога чужого! — оглушительно застонала ведьма. — Чуждого! Деревянного! — продолжила она, и тут из ее рта понеслась чертовщина, которой пан и разобрать-то не мог, потому как некоторых слов совсем не признавал, а другие — святотатские и богохульные — даже и в мыслях повторять было погано. Она еще перемежала слова псалма с чужеродными, а некоторые произносила задом наперед, переставляла местами, и даже те, которые пану были хорошо знакомы, в непривычном порядке пугали и морозцем проходили по спине.

— Грехи мои от тебя спрятаны! — режущим визгом продолжала она. — Да постыдятся о мне терпящие тебе, Господи, Господи Сил, ниже да посрамятся о мне ищущие Тебе, Господи, Господи деревянный, сил! — закричала она,

наклоняясь к воде и содрогаясь от внезапно проснувшейся в ней силищи. — Сил!

Тут лес огласился клацающими, шипящими звуками, и туман над озером стал гуще. Ни жив ни мертв пан смотрел в него, — и хотел бы не смотреть, да глаза словно бы приковались к белому водяному дыму. И тут уж такая чертовщина пошла, что начал пан различать в этом тумане огоньки, которые скоро обернулись его взору окнами, зажженными в хатах. Стал всматриваться повнимательней да увидел, что хаты эти — знакомые и вместе они составляют село, в котором он живет. Да вот и церковь сверкает пряничными куполами — округлыми, ярусами сидящими один на другом. Сияют купола — сил нет, словно солнце их сверху золотит. Но в том-то и загадка, что не видел пан никакого солнца, окна в домах горели вечерним светом, да и сами дома, а с ними церковь и покатые желто-коричневые горы виделись ему перевернутыми головами вниз. А держались они основаниями за серые сгустки, которые как будто бы были небом, но слепливались из того же тумана. А вон и речка по селу проходила черной волнующейся лентой.

Тут все переменялось, и пан увидел комнату, а в ней — сервант знакомый, белой краской малеванный, килим на стене, кровать под ним. Да это ж пана хата! Посредине стол стоит — длинный. Во главе сам пан сидит в праздничном черном пиджаке с большим белым цветком в кармане. А рядом... «Свадьба, что ли?» — мелькнуло в голове у пана. Вот ведь провалиться ему на этом самом месте, а отчетливо видел он и себя, и сидящую рядом с ним невесту. Только лица ее разобрать не мог. Но отчего же все — и жених с невестой, и гости — перевернутые? Сидят вниз головами — едят, пьют, а над ними, то есть над ногами их, озерный туман расстилается и круглое озеро вместо неба раскидывается.

Пан еле удержался от того, чтоб не вскрикнуть, когда увидел, что на его глазах фата невесты сереет и такой цвет